

ЕВГЕНИЯ АДАМЕНКО

18+

ПОСЛЕДНИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Евгения Адаменко

Последний эксперимент

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68795028

SelfPub; 2023

Аннотация

Пока ничего не подозревающие люди на Земле живут своей обычной жизнью, где-то в далеком космосе инопланетяне размышляют, а стоит ли человечеству существовать? Обычный парень Саша неожиданно для себя становится участником очередного и, возможно, решающего космического эксперимента над землянами, определяющего их судьбу.

Содержание

****	10
****	24
****	34
****	41

Евгения Адаменко

Последний эксперимент

Переговорщик появился как всегда неожиданно. Я услышал негромкое шипение и последующий сухой щелчок – звуки, неизменно предшествующие его появлению. Чертыхнулся про себя. Как всегда неожиданно и не вовремя. За этот год у меня сложилось впечатление, что он это делает нарочно. Возможно, подразнить меня, было единственным развлечением в его донельзя бюрократической космической службе.

Что ж, могу ответить тем же. Притворяться, что я не слышал его появление было бессмысленно. Он знал, что я знаю. Но игнорировать его мне ничто не мешает.

Я неспешно продолжил счищать с подгоревшего тоста обугленные края. Так же не спеша достал из холодильника сливочное масло и джем, аккуратно намазал на тосты. Насыпал в кружку две ложки растворимого кофе, добавил одну сахара. Залил кипятком. Из комнаты не доносилось ни звука.

Его выдержке можно только позавидовать.

Я уселся за стол, открыл заранее приготовленный «Скотный двор» Оруэлла, намереваясь, как я и планировал до его появления, перекусить за чтением, но понял, что аппетит пропал. В комнате по-прежнему царил тишина. Заставил себя откусить кусочек тоста, но, как говорят у нас на Земле

– кусок не лез в горло. Со вздохом положил тост обратно на тарелку, выплюнул откушенный кусочек в мусорное ведро. Ок, он выиграл.

Темно-зеленая с бурыми прожилками желеобразная масса удобно устроилась на моем кресле. Правое щупальце переговорщик положил на подлокотник, в левом он держал мой мобильный. Внешний вид переговорщика мог бы вызвать отвращение, если бы не золотистые крапинки, блестящие, мерцающие, разбросанные по всему его телу, придающие этакое неземное сияние. Гармоничность образа дополняли глаза – яркого изумрудного цвета, светящиеся острым, непостижимым человеческому уровню сознания разумом.

Сейчас эти глаза были устремлены в экран моего телефона. Переговорщик оторвал правое щупальце от подлокотника и провел им по экрану снизу вверх, вероятно листая ленту одной из соцсетей. Он любил заходить туда, бывая у меня. По его словам, это очень помогает постичь наш человеческий разум.

Я негромко, но весьма недовольно кашлянул. Спустя почти год общения я перестал его бояться, усвоив для себя, что действия переговорщика, как, судя по всему, всей его расы, всегда справедливы. Переговорщик оторвал взгляд от экрана, взглянул на меня и отложил телефон на журнальный столик.

– Не хотел прерывать ваш завтрак и решил занять себя чем-нибудь, пока вы принимаете пищу.

Он был безупречно вежлив. Как всегда. Я хмыкнул нечто неопределенное, подозревая, что им известен каждый мой шаг и он знал, что я собирался позавтракать. По крайней мере то, что они умеют читать наши мысли, я знал наверняка. Однако пытаться спорить было бесполезно. Это я тоже давно усвоил. Их интеллект настолько превосходил человеческий, что шансов у меня не было.

Я уселся в кресло напротив и, в свою очередь, уставился на него. На этот раз он не стал испытывать мое терпение.

– У вас осталось мало времени.

В животе скрутился тугой узел. Я знал, что время на исходе, но всей душой надеялся, верил, что мои попытки спасти человечество однажды приведут к успеху. И даже если нет, они проведут ещё какой-нибудь эксперимент. Дадут нам ещё один шанс. Ведь давали их нам уже восемь десятков лет.

– Я стараюсь. Очень стараюсь. – Искренне сказал я.

Мои слова отдавали безысходностью. Времени действительно оставалось все меньше.

– Мы знаем. – Голос переговорщика лучился пониманием. – Вы делаете всё, что можете. Но спустя 345 дней это ни к чему не привело. Изначально мы определили экспериментальный период в три месяца. Ничего не вышло. Тогда вы попросили продлить срок до полугода и мы пошли вам навстречу. После повторного провала мы договорились увеличить срок до года. Сейчас и он подходит к концу. А результата так и нет. Вы должны нас понять. Мы не можем беско-

нечно идти вам навстречу. Больше срок продляться не будет.

Я уставился на узор ковра, пытаюсь сдерживать эмоции. Кажется, я всё-таки подвёл человечество. Или это люди подвели меня?

Переговорщик тем временем замолчал, очевидно заметив мое состояние. Потом продолжил. На этот раз его тон звучал слегка извиняюще.

– Поймите, мы бы ещё смогли закрыть глаза на насилие, грабежи, обман и множество других преступлений, которые так распространены на вашей планете. Но убийства... Вы единственная в нашей галактике планета, на которой разумные существа убивают себе подобных.

На слове «разумные» в его голосе появились нотки сомнения, а на слове «убивают» – отчётливое отвращение. Он на несколько секунд замолчал, а затем продолжил бесстрастным голосом:

– Вне всякого сомнения лично вам ничего не грозит. Как мы и договаривались, вы будете перемещены на нашу планету непосредственно до уничтожения вашей. Наши воздух, вода и прочее почти идентичны здешним и прекрасно подойдут вам. Вы сами можете видеть, что для того, чтобы дышать на Земле мне не требуется никаких дополнительных средств. Вы можете быть уверены в этом. Мы никогда не нарушаем наших обещаний и никогда не обманываем.

В воздухе повисло молчание, в котором, казалось, тягостно застыло недоговоренное «...в отличие от вас». Но, как я

уже упоминал, он был очень вежливым.

– Дело не во мне, – прошептал я, – моя планета погибнет. Все, кого я знал. Все, что я видел. Чем дорожил. Любил. Восхищался.

– Мы специально выбрали вас, как человека образованного, разумного, сдержанного и, – это было очень важно при поиске кандидатуры, – одинокого, без семьи и родных. Вам не кого будет оплакивать.

– Да, но все остальные... Все те, кто погибнет. Они тоже люди.

– Люди, которым нравится убивать. Ваш вид должен был быть уничтожен ещё тогда, когда затеял очередную мировую войну. Но на вселенском совете было решено дать вам шанс. Нам казалось, что пережив те ужасы, вы больше никогда не повторите подобного. Но сейчас... вы, кажется, снова пытаетесь это повторить.

Я хотел было возразить, но слова застревали в горле. Да и по большому счету, возразить было нечего.

– Вы шокированы тем, что мы планируем вас уничтожить. И в то же время планомерно уничтожаете друг друга. Где логика?

– Дети. – Прошептал я. – Разве они виноваты? Они не убивают.

– Они вырастут и будут убивать. Такова ваша природа. Понять которую мы не в силах.

– Не все убивают.

– Если бы люди не были ограничены вашими, так называемыми законами, которые работают, к слову, отвратительно, убийств было бы на порядок больше.

Я молчал. Он помолчал тоже.

– Что ж. Мне пора. У вас осталось двадцать дней, чтобы найти хоть одного человека, который никогда, ни при каких обстоятельствах, не согласится убить себе подобного. Желаю удачи.

Я кивнул.

Послышалось негромкое шипение. Искры на теле переговорщика заметались и засияли ещё ярче. Через несколько секунд он с сухим щелчком растаял в воздухе.

Я вышел на кухню. Посмотрел на бутерброды и остывший кофе. Есть больше не хотелось. Аппетит пропал.

Уже через пятнадцать минут я был на улице. Мои подсознательные надежды на то, что они согласятся продлить эксперимент, рассеялись как дым. Я не был посвящен во все тонкости и детали экспериментов, которые проводили над человечеством представители космических глубин, знал только, что нас проверяли на «человечность» не один десяток лет. Возможно, несколько сотен. И результаты каждый раз были неутешительные.

Эксперимент, «честь» проводить который выпала мне, заключался в следующем. Я выбирал любого человека в возрасте от двадцати пяти до шестидесяти лет, обыгрывал ситуацию, например, так, что якобы я оказывался в долгу перед испытуемым и предлагал отблагодарить его необычным способом: он может выбрать одного человека и тот умрет. Достаточно просто этого пожелать. Для того, чтобы к моим словам относились более менее серьезно, я демонстрировал испытуемому пару–тройку трюков. Например, перемещал в воздухе предметы или угадывал его мысли. Как правило, испытуемые, несмотря на проделанные мной фокусы, не воспринимали мой «подарок» всерьез. Но все же задумывались. А что, если? Если это правда и они действительно могут избавиться от мешающего лично им человека. Размышления занимали один–два дня, после чего кандидатура в смертни-

ки была выбрана. И ни один из участников эксперимента не отказался от возможности убить, осознавая, что ему не придется для этого прикладывать малейших физических усилий и он никогда не понесет наказание. Ни один.

Насколько я знал, ранее над человечеством проводились куда более серьезные и масштабные эксперименты, растянутые во временном отрезке на года и десятки лет. Все они провалились. С нами хотели было покончить, но нашлись люди, упрощённо говоря стажёры в каких-то космических министерствах, молодые и энергичные, которые захотели проверить свои идеи в надежде добиться успеха там, где его не смогли добиться целые команды опытных экспериментаторов. Кто-то хотел продвинуться по службе, кто-то защитить диссертацию. Все это рассказал мне переговорщик, добавив, что такое объяснение будет понятно моему примитивному мозгу. На слове примитивный в его голосе прозвучало больше сожаления, чем извинения. Но я знал, что он справедлив. Обижаться было не на что.

Поначалу количество желающих доказать, что люди скорее хорошие, чем плохие, и заслуживают право на существование, зашкаливало. Но организаторов экспериментов ждали провалы, один за другим и, в конце концов, поток экспериментаторов иссяк. На нас поставили крест. Не находилось даже самых отчаянных энтузиастов, готовых взяться за безнадёжный проект под названием Земля. Космос больше не верил в людей. (И, пока немалое количество людей верило

в инопланетян, инопланетяне постепенно перестали верить в нас).

На последнем космическом совещании, – можно назвать это заседанием, планеркой, да как угодно, думается, это не так важно, сколь его итог, – нас было решено уничтожить. Люди были признаны неисправимыми, жестокими и несущими угрозу для вселенной. Ведь, в конце концов, несмотря на нашу задержку в развитии (по космическим меркам), мы пытаемся что-то изобретать и даже летаем в космос. И никто не мог поручиться, что рано или поздно мы не развяжем галактическую войну.

Поскольку проведение эксперимента, исполнением которого занимался я, было уже утверждено и ресурсы на него были выделены, его решили не отменять. За время общения с переговорщиком я понял, что букву закона и точное следование предписаниям и нормам в галактике чтут едва ли не превыше всего.

Почему для проведения эксперимента выбрали именно меня я понятия не имел. Выдающимися способностями я не обладал, услуг человечеству в виде неоценимых изобретений не оказывал. Моим единственным преимуществом было одиночество. Родители умерли рано, а бабушки и дедушки и того раньше. Женой и детьми не обзавелся, с закадычными приятелями тоже не повезло. Хотя в данной ситуации это скорее можно назвать везением. Я пытался задавать вопросы переговорщику о том, чем им приглянулась именно моя

кандидатура, но он каждый раз аккуратно уходил от ответа.

Я огляделся по сторонам, прикидывая, где можно попытаться удачу сегодня. За прошедший год я перепробовал массу вариантов. Знакомился с людьми в кафе и ночных клубах, в поликлиниках и больницах, в метро, самолётах и поездах, на встречах анонимных алкоголиков и даже на похоронах. Я проехал тысячи километров проводя эксперименты над попутчиками, поработал барменом, таксистом и психологом, менял десятки увлечений, расширяя круг общения за счёт любителей турпоходов и книжных фанатов, собирающихся раз в неделю обсудить очередное литературное произведение.

В кругу знакомых я тоже попробовал было проводить эксперимент, но быстро понял, что идея явно неудачная. Раз за разом разочаровываться в тех, кого уважал и считал своим другом или просто хорошим приятелем, оказалось до невозможного тяжело.

Погруженный в эти размышления я ступил с тротуара на проезжую часть двора и в следующее мгновение ощутил несильный толчок в левый бок. Хотя он и не был слишком резким, я все же не удержался на ногах и завалился на тротуар.

Водительская дверь белоснежного Форда распахнулась и оттуда выпорхнула испуганная девушка лет двадцати четырех – двадцати семи. Она склонилась надо мной, повторяя дрожащим голосом:

– С вами все в порядке? С вами все в порядке?

Я неопределенно махнул головой, прикидывая про себя, смогу ли я задержать ее под предлогом плохого самочувствия и провести эксперимент.

– Может быть, отвезти вас в больницу? – В ее голосе чувствовалась паника и готовность помочь.

Вот это удача.

Я слегка пошевелился, убедившись, что у меня ничего не болит, но немного поморщился, как будто от лёгкой боли. Сказал вслух как можно более доброжелательно:

– Кажется, ничего не сломано, только ушиб. Думаю, можно обойтись без больницы и полиции.

При слове полиция девушка вздрогнула. На это и был расчет. Главное – не перегнуть палку.

Я поспешно добавил, чтобы не слишком испугать бедняжку:

– Со мной все в порядке и никаких претензий к вам у меня нет. Но я буду очень благодарен вам, если сможете подвезти меня до дома.

Она с готовностью согласилась и помогла мне сесть на заднее сиденье ее автомобиля. Во время сие действия я негромко охнул пару раз для пущей правдоподобности, продолжая уверять ее, что все в порядке и даже поинтересовался из вежливости, не слишком ли я отнимаю ее время.

Она заверила, что не слишком. Адрес пришлось выдумать не близкий, чтобы у меня время для проведения экспери-

мента.

Когда она выезжала со двора я заметил, что ее руки, лежащие на руле, слегка дрожат. Напугана. Пришлось для начала успокоить ее, что ничего страшного не произошло, я сам виноват и вообще, с каждым случается. Когда она немного расслабилась мы поговорили на бытовые темы, а затем я плавно подвёл ее к нужному мне вопросу.

– Далеко не каждый на вашем месте был бы столь же любезен. Попадись мне другой человек, в произошедшем он запросто мог бы обвинить меня и уж точно не повез бы домой, тем более путь неблизкий.

Я соединил подушечки большого и указательного пальцев левой руки. Именно таким способом я получал способность слышать мысли, – дар, предоставленный мне переговорщиком на время проведения эксперимента. Разумеется, мысли каждого «подопытного» они также мониторили самостоятельно. Во избежание обмана с моей стороны. Мне был предоставлен доступ для этой же цели. Эти ребята играли по-честному. И я знал, что слышу истинные мысли, а не искаженную версию, которую они с лёгкостью могли мне предоставить. Они действительно всегда были честны.

Я всегда была слишком добра... этот парень прав... кстати, он симпатичный... о, ради бога, у тебя через месяц свадьба, о чем ты думаешь...ничего особенного я не делаю, но думаю, мало нашлось бы идиотов, согласившихся везти его в такую даль...зато права будут при мне... и сниженная

страховка за машину...так что не такая уж ты и идиотка...

Вслух она сказала:

– Ну что вы! На моем месте так поступил бы каждый.

– Точно не каждый.

– Соглашусь с вами. Может быть не каждый. Но большинство.

– Большинство предложили бы мне денег на такси и не стали бы тратить свое время, видя, что я почти не пострадал.

Точно...можно было вызвать ему такси...сверху дать ещё немного в качестве компенсации морального ущерба...я точно идиотка...с другой стороны, сделала доброе дело...кто знает, вдруг бог и правда есть...и мне это зачтется...

– Самое «доброе», что сделали бы некоторые сердобольные граждане, – накинули бы сверху денег на такси ещё немного в качестве компенсации. – Продолжил я.

Как будто мысли мои прочитал...

...удивилась она, и возразила:

– Мне кажется, вы слишком критичны к людям. Уверена, лишь единицы предпочли бы просто откупиться.

– Пожалуй, соглашусь. Только обеспеченные люди. А шанс попасть под колеса к такому человеку невелик. Обеспеченных среди нас немного, да и ездят они, как правило, в других местах.

Она рассмеялась, взглянув на меня в зеркало заднего ви-

да. Я изобразил на лице свою самую очаровательную улыбку. Один только переговорщик, который, как я был абсолютно уверен, регулярно копается в моих мозгах, знал, как сильно за мне наскучили эти разговоры. Но страх подвести человечество придавал мне сил и остроумия.

– Наверное жизнь сделала меня немного циничным. Положа руку на сердце, вы правда считаете, что большинство людей поступят благородно в подобной ситуации да и вообще чаще поступают именно так?

Она на пару секунд задумалась и выдала с сожалением:

– Думаю, что нет, на самом деле.

– Вот и я так думаю. По-настоящему добрых, порядочных людей очень и очень мало.

Конечно мало... разве в наше время можно быть добрым и порядочным. Воспользуются, обманут, ещё и посмеются. Без лоха и жизнь плоха... так, кажется, говорят...

– И вот что ещё печально. Лично я ни разу за всю свою жизнь не встречал человека, который был бы абсолютно, стопроцентно порядочным и благородным.

– И вряд ли встретите, – снова рассмеялась она.

– Считаете, таких не существует?

– Каждый руководствуется в первую очередь своими интересами и это, наверное, нормально.

Я с тоской взглянул в окно. Мы проехали уже половину пути. И времени у меня оставалось немного. А надежды, что в это раз получится, ещё меньше. Не походила она на добрую

самаритянку.

– В целом я с вами согласен. – В мои цели не входило вступать с ней в спор. – Но как бы здорово было бы жить, если бы мир заселяли в основном хорошие люди.

– Уверена, что большинство людей всё-таки можно называть хорошими. Зависит от того, по каким критериям оценивать.

– Хорошо. Возьмём, к примеру, очень простой критерий. Убийство. Как по-вашему, может ли убийца быть хорошим человеком? Разумеется, сразу исключим варианты врачебной ошибки, убийство в целях самообороны, палача, исполняющего приговор... и так далее. Убийство человека, который вам не нравится, мешает, вызывает чувство зависти. Нужно подчеркнуть. Можно ли как-то оправдать такое убийство?

Она задумалась на минуту, взвешивая варианты, проигрывая в голове различные ситуации.

– Пожалуй, этому сложно найти оправдание.

– Абсолютно с вами согласен! И все же, можете ли вы поверить в то, что практически любой, будь у него шанс избавиться от конкурента на работе или соперника в любви, от давнего обидчика или ещё одного претендента на наследство, не будучи при этом пойманным, обязательно этим самым шансом воспользуется?

– Возможно, вы правы. Но человеческая натура слаба, а жизнь слишком жестока.

Я мысленно застонал. Надежды таяли, как снег весной. Ехать оставалось совсем немного и пора было закругляться. Я снова залез в ее голову, пытаюсь понять, какая легенда может сработать в этом случае. Похоже, девушка попалась суеверная. Потомственный колдун вполне подойдёт.

– Кстати, меня зовут Саша. А вас?

– А меня Оля. – Она заулыбалась. – Приятно познакомиться. Жаль, что при таких обстоятельствах. Ещё раз извините.

– Вы уже извинялись, Оля. Этот пустяковый случай не заслуживает массу извинений. И мне тоже очень приятно с вами познакомиться. – Я посмотрел вперёд и назад. Дорога была почти пустой. Замечательно. Аварии нам ни к чему. – Я бы с удовольствием выпил с вами чашечку кофе, Оля, если бы не ваш жених и скорая свадьба.

Машина ощутимо дернулась. Девушка кинула на меня в зеркало ошеломлённый взгляд. Я поспешил успокоить ее.

– Не переживайте. Я не сумасшедший маньяк, который следил за вами и намеренно кинулся под колеса, чтобы завязать знакомство. Видите ли, Оля. – Я выдержал театральную паузу. – Дело в том, что моя прабабушка была ведуньей. И мне передалось немного ее способностей. В том числе, небольшая телепатия.

Несмотря на мой довольно длительный стаж в изобретении дурацких легенд, мне все же пришлось опустить глаза, чтобы они меня не выдали. Сделав небольшое усилие я сдер-

жал смех и снова взглянул на нее, изобразив на лице подобающее потомственному колдуну мудрое выражение. Соединил подушечки пальцев.

Надеюсь, он не псих...вроде не похож... а может действительно экстрасенс или колдун... узнал же он как-то о моей свадьбе... бывают же люди с особым даром...

Великолепно. Она мыслит в нужном для меня направлении. Сейчас закрепим результат и возьмём ее тёпленькой.

Я снова покопался в её мыслях. Получил детальную информацию о её личной жизни.

– Вашего жениха зовут Кирилл.

Ольга вздрогнула, затем резко включила поворотник и припарковалась на обочине.

– Послушайте. – Начала она, нервничая. – Я не знаю, кто вы, но вы определенно начинаете меня пугать. Если вы следили за мной...

– Я не следил за вами, клянусь. – Перебил я ее. – Оля, я понимаю, вы напуганы и это неудивительно. Но я обещаю, что не сделаю вам ничего плохого. Я сейчас уйду, тем более, мы почти приехали. Ещё раз спасибо за помощь. И в благодарность я хотел бы оставить вам небольшой подарок. Мои способности ограничены, я не могу всего. Поэтому, возможно, подарок вас удивит и сначала вызовет возмущение. Но это единственное, что я могу, так скажем, передать вам. Вы наверное помните, как я говорил о том, что никто не откажется от возможности избавиться от мешающего ему чело-

века. Это проверено. Мною. И я хочу дать вам возможность избавиться от человека, который мешает жить именно вам. Для этого вам нужно только загадать этого человека. И он тихо и безболезненно скончается во сне.

Я намеренно избегал слова «убийство». И все же она запаниковала. Я смотрел на ее лицо и видел, что все, что она хочет сейчас, это чтобы я как можно скорее убрался из ее машины к чертям собачьим. Поэтому я приоткрыл дверь автомобиля и поставил одну ногу на землю, чтобы хоть немного успокоить ее.

– Поверьте, я не убийца. И я не собираюсь никого убивать. Лично мне имя вашего врага знать не нужно. Вам достаточно, повторяю, загадать его про себя. Насколько это правильно и стоит ли этим воспользоваться, решать только вам. В конце концов, на этой планете полно отвратительных типов.

С этими словами я вышел из машины, подняв на прощанье руку. И захлопнул дверь.

Как и следовало ожидать, машина тут же тронулась с места, подняв клубы пыли.

Добравшись до дома, я первым делом включил ноутбук. Так я называл это устройство, которое передал мне переговорщик. Серебристый, слегка мерцающий предмет овальной формы, напоминающий гандбольный мяч слегка приплюснутый по центру. Чтобы его «оживить», нужно было легонько коснуться ладонью корпуса.

Верхняя крышка ноутбука бесшумно откинулась назад.

На экране появилась надпись «Провести анализ последнего участника эксперимента?». Под надписью горели кнопки «Да» и «Нет». Я выбрал кнопку «Да», после чего прямо передо мной в воздухе появились четыре виртуальных экрана.

На верхнем левом экране я увидел Ольгу, разглядывающую продукты на стеллажах супермаркета. По верхнему правому экрану бесконечной чередой плыли строки. Это были мысли девушки. Несмотря на то, что мысли отображались в замедленном режиме, – иначе их невозможно было бы успевать читать, – строчки менялись быстро. Под текстом мерцали кнопки «Стоп» и «Замедлить», позволяющие поставить текст на паузу или уменьшить скорость.

На нижнем левом экране горели слова «Осуществить выборку мыслей участника, непосредственно касающихся эксперимента?». И, наконец, на нижнем правом экране отображалась большая кнопка с надписью «Показать итог». Экран был неактивен. Ольга ещё не сделала свой выбор.

Я протянул было руку к нижнему левому экрану, но передумал. Переоделся, пошел на кухню, достал из холодильника и силой заставил себя проглотить бутерброды, которые приготовил несколько часов назад. Когда я дожевывал последний кусок из комнаты донесся мелодичный сигнал. Ольга сделала свой выбор. Быстро она. Большинству людей требовались день или два, а иногда и целая неделя.

Пытаясь заставить себя не бежать, я вернулся в комнату и нажал на кнопку на нижнем правом экране, на котором тут

же вспыхнула красными буквами надпись. «Отрицательно».

Что ж. Ольга не стала исключением. Я кликнул «Детализировать». Кого же именно, милая Оля, ты решила убить? Информация, появившаяся на экране, рассказала мне, что Ольга решила, что ее бабушке, страдающей от деменции, лучше умереть. И старушка мучиться не будет и Ольге с будущим мужем будет где жить. Без всякой ипотеки.

Я вышел на балкон. Закурил. Обнаружил, что мои руки дрожат. Солнце начинало клониться к закату. До конца света оставалось девятнадцать дней.

Спал я плохо. Мысли о конце человечества, одна ярче другой, навязчивыми образами засели в мозгу. Изредка я проваливался в забытие, но и там меня преследовали мощные взрывы, превращающие все живое и неживое в пепел, многоэтажные цунами, погребаяющие под собой дрожащих от страха стариков, тщетно пытающихся убежать взрослых и плачущих у них на руках детей...

В пять утра я уже варил себе кофе. Поучаствовав в эксперименте, проводимом инопланетянами на земле, я почти согласился с ними. Согласился в том, что мы, люди, не знаем жалости. Ни к себе, ни к ближним. Я больше не строил иллюзий. Но мне по-прежнему хотелось верить, что для нас ещё не всё потеряно.

Я закурил прямо на кухне, сверля взглядом выцветшие занавески. Попытался представить, в каких местах этого города предпочитают находиться его самые порядочные, не поддающиеся дурным соблазнам граждане. Казалось, я уже побывал везде. Перепробовал все.

Так ничего и не придумав, я вышел из дома, мрачно надеясь, что меня снова собьёт автомобиль. Только на этот раз это будет «КамАЗ», который решит все мои проблемы разом. Обещанию переговорщика сохранить мне жизнь, забрав на свою планету, я, конечно, верил. Вот только перспектива

прожить всю оставшуюся жизнь наблюдая возле себя исключительно желеобразных меня не слишком прельщала.

Помнится, я как-то спросил переговорщика, не позволят ли они мне взять к ним на планету девушку. На тот момент эксперимент длился около полугода и во мне попеременно вспыхивало то отчаяние, то пробивалась надежда.

Под девушкой я подразумевал конкретную особу. Ее звали Оксана и мы встречались уже два месяца. Она была очень милой и я все чаще ловил себя на том, что начинаю испытывать к ней чувства, которые могут перерасти в нечто серьезное.

Я помню глаза переговорщика, когда я спросил его, возможно ли это. В них светилось ласковое сожаление. Как глупому и недалекому, но милому существу он терпеливо объяснил мне, что их целью является уничтожение человеческого вида. А взяв с собой двух представителей разного пола они рискуют тем, что этот самый вид вполне себе спокойненько начнет воспроизводиться прямо у них на планете. Попытки заверить его, что я этого делать не стану, оказались бесполезны. При всем уважении он не может так рисковать.

Тогда я попросил его стерилизовать нас, для полной уверенности. Переговорщик оживился и около часа рассказывал мне историю создания и основные положения Межгалактической конвенции о запрете на любое физическое вмешательство в организм представителей другой планеты.

Согласно положениям этой Конвенции, запрещается не

только оперативное вмешательство, но и изъятие биологических материалов, а также их исследования как *in vitro* так и *in vivo*.

Согласие самого пациента или исследуемого не имеет значения. Существует ряд редких исключений, когда в экстренных случаях, при наличии серьезной опасности для жизни пациента, его согласия, согласия его родственников, свидетелях – при этом все вышеперечисленные должны подтвердить свое согласие документально – ему могут попытаться спасти жизнь. Но связываться с этим никто не хочет.

Все эти, казалось бы, жёсткие правила, возникли не просто так. Организм одного инопланетянина для другого – загадка. А потому бывали случаи, когда пытались спасти соседа по галактике, его нечаянно убивали. Или калечили. Неподходящим препаратом или неловким действием. А потом правительство планеты невинно убиенного подавало в Межгалактический суд, требуя разобраться, насколько качественно оказывалось лечение.

Таких случаев было немного, но они были. А поскольку наша и соседние галактики, как оказалось, населены существами весьма щепетильными, то было решено, что такое вмешательство может оказывать только подготовленный специалист.

И тут возникли сразу две проблемы. Первая очевидная. Даже их мощным вселенским разумам сложно усвоить информацию о таком количестве организмов, населяющих га-

лактики. Специалистов столь широкого профиля подготовить попросту невозможно. А держать в штате больницы сотни и тысячи специалистов, каждый по своему профилю (читай – по двум–трем организмам), ради одного туриста, у которого так некстати воспалился аппендикс (или любой другой отросток) либо случилась иная неприятность со здоровьем, слишком обременительно.

Здесь на помощь пришли компьютеры. Не все были согласны с перспективой лечь на операционный стол под нож хирурга руководствующегося видеороликом, но выхода не было.

Казалось бы, проблема решена. Но тут возникла вторая. Предоставить информацию о всех особенностях организмов своих соплеменников, включая информацию о слабых местах, основных недугах и их причинах, в том числе о вирусах и бактериях, способных убить согласились не все виды. Безусловно, пояснял мне переговорщик, они там все цивилизованные и высокоморальные, он доверяют друг другу, но все же. Все же.

Я хмыкнул. Он сделал неопределенный жест одним из щупалец, который, судя по всему, выражал крайнюю степень расстройства. Я мог бы немного позлорадствовать, но мне, в моем нынешнем положении, было не до этого.

– Послушайте, – сказал тогда, я несколько поразмыслив, – а если мы с девушкой пройдем все необходимые процедуры здесь, на Земле?

Переговорщик на пару секунд задумался. Потом пообещал мне уточнить в высших инстанциях, возможен ли такой вариант. Предупредил, что это крайне маловероятно. В конце концов, речь шла только о моем спасении. И как я намерен объяснить девушке, что ей крайне необходимо пройти срочную стерилизацию? Скажу правду? Она, в лучшем случае, поднимет меня на смех, а в худшем сочтет сумасшедшим. Ей потребуются доказательства. А в планы инопланетян не входила огласка. И, кроме того, у нее есть родственники. Она наверняка начнет умолять об их спасении. А те попросят спасти кого-то еще. И так далее, по цепочке. И с другой стороны, даже если с Оксаной получится все уладить, а что, если мы обманем их. Не «стерилизуемся», а только притворимся. На это я возразил, что сделать это будет чертовски трудно, поскольку они имеют доступ в наше «неразумное и непутевое» человеческое сознание. Да, но... сказал он.

Но. Всегда находилось какое-то но. Мое прошение о спутнице было подано в инопланетные инстанции, но или затерялось там или же переговорщик не хотел меня расстраивать полученным отказом.

Прошел месяц. Я нервничал и это сказалось на моем поведении. Последовало несколько ссор с Оксаной. После последней из них я решил, что хватит. Я не сделал шага к применению и, несмотря на то, что в ссорах был виноват именно я, не откликнулся на ее попытки к примирению. Мы расстались. От наших общих знакомых я знал, что она тяжело

переживает разрыв. Я чувствовал то же самое. Но сделать ничего не мог.

Погруженный в эти невеселые воспоминания, я несколько часов я бродил по улицам, в безуспешных поисках очередного «подопытного» и, в конце концов, заглянул в только что открывшийся бар. Посетителей кроме меня не было. Единственное, что мне оставалось – выбрать в «жертву» бармена.

Присев на один из высоких вращающихся стульев кричаще–красного цвета, я присмотрелся к парню по ту сторону стойки и слегка опечалился – абсолютно лысый, с покрытыми устрашающего вида татуировками шей и руками (бицепсы тоже впечатляли), с суровым взглядом, уже немолодой бармен производил впечатление человека познавшего жизнь, циничного и бесчувственного.

Однако у меня не было выбора.

Заказав пиво с орешками я не торопясь попытался завязать непринуждённую беседу. Лысый на мои попытки реагировал крайне вяло и изредка бросал «да» или «нет» тоном, явно подразумевающим, что он охотно послал бы меня, да мешает рабочий этикет.

Сошлись мы в музыкальных вкусах. Когда лысый узнал, что я слушаю рок, его взгляд немного оттаял. Когда выяснилось, что мы предпочитаем слушать практически одни и те же рок–группы, он даже начал немного улыбаться.

Через полчаса мы были едва ли не друзьями. На мое счастье, посетителей в баре не было и нашему разговору ничего

не мешало. Болтая с лысым о том о сем – от музыкальной темы мы плавно перебрались к маркам мотоциклов (в которых я, естественно, совсем не разбираюсь, но на голубом глазу соврал, что давно планирую купить), – я про себя прикидывал, как лучше подойти к интересующей меня теме. Потомственный знахарь, предложивший лысому убить кого-то из знакомых, вполне может получить по морде. Такое со мной за время проведения эксперимента пару раз уже случилось. И мне не понравилось, скажу я вам.

Выбрал я один из старых вариантов. Телекинез. Межгалактические друзья, – если в данном случае уместно вести речь о дружбе, – наградили меня и этой способностью. Для телекинеза не требовалось даже соединять пальцы. Все получалось силой мысли. Правда, двигать получалось лишь небольшие предметы и находящиеся от меня на расстоянии не более четырех–пяти метров.

Я сосредоточился на бутылке виски, стоящей на стойке за спиной лысого. Бутылка плавно поплыла по воздуху мимо его плеча, крышечка отвернулась, бутылка наклонилась над моим стаканом, налив мне щедрую порцию, затем мягко опустилась на стойку и замерла. Я с невозмутимым видом отхлебнул из стакана, глядя прямо в глаза своему собеседнику.

Нужно отдать ему должное. Он не выглядел слишком испуганным. Его челюсти сжались, а желваки напряглись, но в остальном лысый никак не выдал своих эмоций. Он ко-

ротким быстрым движением огляделся по сторонам и замер, уставившись мне в глаза в ответ.

Ищет скрытую камеру, полагая, что это розыгрыш, догадался я. Люди всегда склонны искать простые ответы для необычных вещей. И, чаще всего, они правы.

Но не в этот раз.

Я извиняюще улыбнулся и поднял руки, показывая, что сдаюсь и опасности не представляю.

– Извини, брат. – Доброжелательно произнес я. – На автомате получилось.

– Что именно получилось на автомате? – Напряжённым голосом спросил бармен. – Выкинуть этот чертов фокус с гребаным виски?

– Ну да. – Я по–прежнему держал руки с открытыми ладонями над стойкой, для разрядки ситуации. – Видишь ли, расслабился. Разговор у нас получился душевный, вот и забылся. Умею я такие штуки делать. Но обычно не афиширую. А сейчас как-то само вышло. Ещё раз извини. Не хотел.

Я намеренно опустил слово «напугать», предполагая, что это может только разозлить лысого.

Его челюсти слегка расслабились, а взгляд смягчился.

– Как, черт побери, ты это сделал? – у него даже получилось изобразить на лице ухмылку.

И я начал вдохновенно врать. Что в подростковом возрасте упал. С велосипеда. Ударился головой. И вот с тех пор... Обладаю небольшими возможностями. Коими, на ми-

нуточку, могу даже поделиться.

– Можешь научить меня двигать предметы? – Недоверчиво переспросил бармен, машинально натирая один стакан уже минут пять.

– Этим не могу, – притворно расстроено вздохнул я. – Кое-что другое.

Его глаза загорались по мере моего рассказа. Рассказа о том, что я могу помочь ему убрать с дороги лишнего человека.

Когда я закончил, он опёрся на отполированную до блеска стойку, вытер бусинки пота со лба и задумался. А потом начал загибать пальцы.

Начальник-самодур, бывший друг, который не хочет возвращать крупный долг, теща, из-за которой его брак трещит по швам...

Перечислив около десятка человек он задумался, а затем внезапно рассмеялся.

– Было бы здорово, конечно, если бы все эти твари вдруг исчезли из моей жизни. Но я не убийца.

Он снова взял сверкающий стакан и принялся тереть его, задумчиво глядя в зал. Я насторожился. Неужели?

Боясь испортить его настрой, достал бумажник и попросил меня рассчитать. Он это сделал с видимым облегчением.

Как бы мне хотелось сказать ему, что он делает верный выбор. Но, по правилам, я не мог влиять на решение испытуемых. Иначе результаты признают недействительными.

Поэтому напоследок я лишь поблагодарил его за компанию, попросил не считать меня сумасшедшим и не распространяться о нашей беседе. И сказал, что у него ещё есть несколько дней для того, чтобы воспользоваться моим предложением. Никто не узнает. Даже я, в который раз соврал я.

В дверях я столкнулся с веселой компанией из нескольких девушек и парней. На их лицах сияли улыбки, они шумно переговаривались, вероятно, в предвкушении веселого времяпрепровождения. Я широко улыбнулся им в ответ, мысленно поблагодарив за то, что они не пришли раньше и дали мне закончить.

На улице день был в самом разгаре. Я слегка прищурился от яркого солнца и побрел по улице, борясь с желанием отправиться домой и завалиться спать. Каждый такой разговор отнимал немало сил. Но времени на отдых у меня не было.

Домой я вернулся почти в час ночи, уставший и отчасти довольный. Довольный потому что сумел разговорить незнакомца на лавочке в парке, затем влюбленную парочку ещё в одном баре, а после – водителя такси. Это был абсолютный рекорд за все время этого эксперимента. Успех несколько омрачился сомнениями в положительном результате. Испытуемые не казались мне людьми, способными принять решение, которого я так ждал. Однако в моей груди теплилась надежда на лысого бармена.

Я заснул, едва моя голова коснулась подушки. Мне снилось, что я стою посреди огромной площади, полной людей. Мои руки крепко держат плечи немолодой женщины. Я трясу ее, крича во весь голос, что устал от этих убийств. Рот женщины перекошен от страха, она явно не понимает, чего я от нее хочу. Толпа вокруг нас становится плотнее. Люди надвигаются, они требуют, чтобы я прекратил. Их лица полны злобы. Я отпускаю женщину, поворачиваюсь к ним, кричу, что они не понимают того, что я пытаюсь спасти их. Но толпа не хочет меня слушать. Они хотят меня убить, как хотели убить всех, кто им мешал. По моим щекам текут слезы, мой голос срывается. А люди уже тянут ко мне руки, рвут на части...

Я проснулся от собственных всхлипываний. Немного по-

лежал, собирая обрывки сна. К неудержимому желанию выпить кофе примешивалось ещё большее желание включить ноутбук и взглянуть на результаты эксперимента.

Решил, что расстраиваться на пустой желудок вреднее, чем пить кофе натошак. Не спеша выпил пару чашек, выкурил сигарету, глядя с балкона на хмурые лица людей, спешащих на работу. Позавидовал им. Нет, я не страдал манией величия и не рассуждал в духе – эх, мне бы ваши проблемы. Просто нарастающее чувство вины с каждым днём терзало все сильнее.

Я не справился. Я не смог.

Эта мысль, похоже, становилась навязчивой. Я выкурил ещё одну сигарету, вернулся в комнату и включил ноутбук. На экране отразились пять ярлыков, с фотографиями и именами последних участников эксперимента. Отметил для себя, что бармена зовут Игорь. Кликнул по иконке с изображением девушки. И она и ее вчерашний парень уже приняли решение, судя по яркому цвету их «аватарок».

Результат у обоих был отрицательный. Полина, так звали девушку, возжелала смерти подруги, которая, по ее мнению, слишком сильно нравилась ее молодому человеку по имени Денис. Покопавшись в его мыслях я нашел несколько касающихся той самой подруг. За рамки обычных мужских мимолётных фантазий они не выходили. Сам же Денис пожелал смерти коллеге, справляющемуся с работой гораздо лучше него и имеющего большего шансов занять кресло начальни-

ка, уходящего через месяц на пенсию.

Классика. Я отправил влюбленных в архив и почитал, что думает о неожиданном предложении водитель такси.

Мысли о возможности избавиться от неудобной персоны заняли центральное место во всем потоке его размышлений. Работа у таксистов оставляет время для раздумий и он напряженно размышлял, как же лучше использовать столь неожиданно свалившуюся возможность. Я насчитал восемь человек. Снова сходил на балкон, выкурил ещё одну сигарету, ругая таксиста нехорошими словами. Закрыв его профиль и открыл профиль мужчины с лавочки в парке. Тот колебался между тётцей и начальником. При этом его мучили угрызения совести, но уж слишком соблазнительным было искушение. Тоже классика.

Бармена я оставил на закуску. Покопался в его лысой голове. Ни одной мысли об убийствах. Мое сердце забилось чаще. Я кликнул по иконке, предлагающей осуществить выборку мыслей участника, непосредственно касающихся эксперимента. Возможно, я что-то упустил в его общем потоке размышлений. Но нет. Никаких планов об убийствах он не вынашивал. Вот это да.

Я сходил на кухню, набрал стакан воды прямо из-под крана и осушил его в несколько глотков. Вернулся в комнату, сел перед ноутбуком и замер, глядя в экран с по-прежнему пустым окошком. Кликнул по стрелочке, позволяющей вернуться назад, увидел, что итог эксперимента над барменом

ещё не подведён. Осторожно выдохнул, боясь спугнуть удачу.

За все время мне попало около двух–трёх десятков людей, не сделавших выбор, но при этом получивших отрицательный результат. Причина была банальна – они не поверили мне. Инопланетяне считали, что принимать во внимание результаты таких участников нельзя. Что ж, я был с ними согласен.

Я снова открыл окошечко мыслей лысого, касающихся эксперимента. Думал он обо мне не часто, но все же думал. Убеждал себя, что я “немного того”, но, вспоминая фокус с бутылкой, отбрасывал эту мысль. Я скрестил пальцы на удачу и закрыл ноутбук. Надеюсь, он все же поверит мне.

Настроение поднялось. Окрылённый, я весь день бродил по городу. Заглянул в библиотеку, где разговорил пожилую библиотечаршу в очках. Вовлек в эксперимент очередного таксиста. Зашёл в салон тайского массажа, где поставил перед непростым выбором массажистку.

Вернулся домой голодный, мысленно прикидывая, чего хочу больше: спагетти или пельменей.

Переговорщик уже ждал меня в том же кресле.

– Я хочу есть. – Безапелляционно буркнул я, стаскивая джинсы и облачаясь в домашнее трико.

Уяснив для себя когда–то, что наблюдать за нами они могут беспрепятственно в любое время дня и ночи, я перестал стесняться. Хотя мысль о том, что человеческое тело может

вызывать у них отвращение, иногда приходила мне в голову.

Переговорщик поднял оба отростка в дружественном жесте.

– Я подожду, – учтиво сказал он, – вы можете спокойно поужинать не торопясь.

Одним из отростков он взял лежащий на журнальном столике буклет местной пиццерии и принялся его изучать.

Я посмотрел на него и мне пришла в голову мысль, что за все время нашего знакомства я никогда не задумывался, что же они едят и едят ли вообще.

– Может быть, вы ко мне присоединитесь? – Внезапно предложил я. – Закажем пиццу?

Мысль об ужине в компании переговорщика вызывала смешанные чувства: от некоторой доли смешанного отвращения, которое неизбежно возникает при наблюдении за приемом пищи совершенно отличного от человеческого вида до здорового любопытства, которое взяло верх. Возможно, окажется, что человеческий прием пищи выглядит куда менее приятно.

К моему величайшему удивлению переговорщик согласился. Он выбрал вегетарианскую, я – острую с колбасками. В ожидании курьера я наскоро принял душ. Инопланетян, уже по традиции, исследовал соцсети с моего мобильного.

Когда курьер ушел мы принялись за ужин. Поднеся кусочек пиццы ко рту и забыв откусить от него, я во все глаза наблюдал, как переговорщик будет есть. Для начала он вытя-

нул отросток над пищей и поводил им в воздухе. На верхней наружной части отростка появились какие-то символы. Переговорщик изучил информацию и, протянув отросток, ловко захватил им кусок пищи.

– Я так и думал. – Прошелестел он своим сухим голосом. – Она вполне пригодна для употребления.

– То есть, ваш вид может есть человеческую пищу?

Переговорщик взглянул на меня удивлённо.

– Конечно. Наш организм в состоянии переварить и усвоить вашу пищу. Я просто проверял содержание вредных веществ и нитратов в этой овощной пище.

Он поднес кусок к «лицу» и тот мгновенно исчез. Инопланетян прикрыл глаза, как будто смакуя еду.

Я был слегка задет.

– Почему же вы не проверили мою пищу?

Переговорщик приоткрыл один глаз.

– Вы беспокоитесь о вашем здоровье?

– Вообще-то да. – С вызовом ответил я.

Он выглядел удивлённым.

– Тогда зачем же вы курите? Так часто употребляете алкоголь? Не занимаетесь спортом, не делаете даже элементарную гимнастику? Не придерживаетесь правильного питания?

Вопросы повисли в воздухе. Ответа у меня не было.

– А во всем этом теперь есть какой-то смысл? – Буркнул я единственное, что пришло мне в голову.

Переговорщик кивнул и ловко подцепил отростком второй кусок пиццы.

– Лично вы можете спастись. Но я понимаю ваши чувства.

Глядя на то, как исчезает пицца в его желеобразной теле я размышлял о том, что ни черта он не понимает. Никого нельзя понять до конца, пока не окажешься на его месте. Так я считал.

Распрощались мы несколько сухо. Впрочем, переговорщик был, как всегда, учтив. А меня впервые посетило желание врезать пару раз по его мягкому тельцу. Я знал, что он это знает. Плевать.

Последующие дни слились в нескончаемую череду поисков и бесед с испытуемыми. Я почти не спал, не ел и похудел килограмм на пять. Принимать душ и надевать чистую одежду меня заставляло только понимание того, что неряшливый вид вряд ли поможет мне заводить случайные знакомства. Но, вопреки моей воле, нервы стали сдавать и в моих глазах появился нездоровый лихорадочный огонь, который испытуемые принимали за искру сумасшествия, что не играло мне на руку.

Раз за разом я сталкивался с отрицательным результатом. Единственной соломинкой, лучиком света был лысый бармен, который все ещё думал о нашем разговоре, но так и не решался на убийство.

Я буквально молился, чтобы он не подвел, хотя верующим никогда не был. Переговорщик же разговора о существовании бога всячески избегал, чем, неожиданно, взрастил в моем ранее скептическом сознании надежду на его существование.

Да, ещё таксист, по-прежнему перебирающий родственников, друзей и знакомых, так и не определился с выбором. Но я не без основания боялся, что когда он закончит, он выберет жертву номер один и, на всякий случай (а вдруг прокатит), жертву номер два, три и так далее.

Переговорщик стал навеваться ко мне все чаще и чаще, а потом и вовсе ежедневно. Вероятно, инопланетяне осознали, в каком нестабильном душевном состоянии я нахожусь и решили, что за мной лучше приглядывать. Болтать с ним у меня не было настроения, а все мои уговоры и мольбы, как я уже понял, ни к чему не приведут.

Накануне конца я проснулся в обед. Вчера я хорошенько надрался в местной забегаловке, понимая, что шансов больше нет.

Переговорщик уже сидел в облюбованном кресле. Ни обращая на него ни малейшего внимания я прошлепал на кухню, достал из холодильника банку пива и одним глотком опустошил половину. После, в ванной долго стоял под душем и разглядывал в зеркало красочный фиговый под глазом, напомнимши мне о вчерашней драке в злосчастном баре, которую я сам же и спровоцировал.

Идти куда-то в таком виде не было смысла. Я достал из холодильника вторую банку и устроившись на диване включил ноутбук. Пока он загружался, спросил по-прежнему молча сидевшего переговорщика:

– Как это будет?

Я не уточнил, но он понял, о чем я.

– Безболезненно для всех. Это мы гарантируем. Они все... просто испарятся. Вместе с Землей.

Я вздрогнул и поежился. Уставился на экран, на котором тем временем появились три иконки. Один из вчерашних со-

бутыльников, с которым я пообщался пока ещё был в кондиции, бармен и таксист.

Мое сердце сделало скачок, замерло на миг и забилось как сумасшедшее. Я поставил на столик банку с пивом, боясь, что моя задрожавшая рука меня подведёт и содержимое прольётся на ноутбук. Первым я проверил собутыльника. Он возжелал избавиться от жены. Я отправил его в архив. Затем взял пиво, вышел на балкон и закурил. Переговорщик сидел все так же молча. Интересно, ему уже известен итог?

Терпения выкурить сигарету до конца мне не хватило. После нескольких затяжек я вернулся в комнату и кликнул по иконке с изображением лысого. Кликнул по иконке «Показать итог».

Отрицательно.

Ну вот и все. Я спрятал лицо в ладонях. Вот и все. Прощай, Земля. И всё-таки ты прекрасна. Перед глазами возник голубой шарик. Вот он. Не спеша крутится в холодной космической темноте. Даёт нам воздух, пищу, воду, кров.

– Спасибо, Земля. Ты была безупречна. Это мы не справились. – Прошептал я.

Поднял голову на переговорщика. Он сидел, прикрыв глаза.

Любопытства ради я проверил мысли бармена. Он решил избавиться от друга, не вернувшего должок.

Я истерично расхохотался. Существенный, но не такой уж огромный по размерам долг был положен на чашу весов и

перевесил все человеческие жизни.

На автомате я отправил лысого бармена в архив и кликнул на иконку с таксистом. Проверил итог и... не поверил своим глазам.

Положительно.

Что за черт. Человек, чей выбор не оставлял сомнений. Человек, который казался мне одним из худших испытуемых. Человек, который больше недели составлял список и выбирал самую подходящую жертву, вдруг взял и отказался от такой возможности.

Я взглянул на переговорщика. Тот, впервые за все время нашего знакомства слегка улыбался. И это даже не выглядело жутко.

– Советую посмотреть его мысли, относящиеся к эксперименту. В частности, последнюю мысль, перед тем, как он отказался от этой затеи. Это весьма забавно.

Я кликнул по соответствующей иконке. Его последние мысли насчёт вакансии на жертву были несколько путаны. Зато самая последняя мысль, самая главная мысль была сформулирована четко и направлена она была в мой адрес:

– ДА ПОШЕЛ ТЫ!

Это он мне. Я расплылся в улыбке. Переговорщик тоже хихикнул своим сухим смешком.

– Поздравляю.

Он протянул мне отросток. И это тоже было впервые. Я пожал его. На ощупь инопланетян оказался приятно упругим

и прохладным.

– Все же решил, что не желает быть убийцей. Поразительно. Я был уверен, что уж он то точно не откажется от такой возможности.

– А вот меня этот человек, напротив, сразу заинтересовал. Я внимательно следил за его внутренним монологом. Да, он долго перебирал кандидатов, но делал это как–то... беззлобно и не кровожадно. Скорее было похоже на то, что он просто вспоминает старые обиды. Не смущайтесь, – добавил переговорщик, заметив, что мне неловко от того, что я оказался не столь прозорливым, – все представители моего вида отлично разбираются в психологии. А лично я являюсь специалистом именно по Земле и представителям вашей расы. Что ж. Не буду вам мешать наслаждаться победой. С вашего позволения, навещу вас через несколько дней, заберу ноутбук и потрачу полчаса вашего времени, чтобы уточнить совместно некоторые детали для моего отчёта.

Я кивнул. Переговорщик протянул мне другой отросток в котором был зажат мой сотовый. Ну, само собой. Он, видимо, снова развлекался с моих аккаунтов в соцсетях, пока я прощался с жизнью.

Я взглянул на светящийся экран. На нем была открыта переписка в мессенджере. Наверху стояло имя. Оксана. Он читал нашу переписку?

Раздался сухой щелчок. Я поднял голову. Переговорщик исчез.

Я вылил остатки пива в раковину, заварил себе кофе. Пошел в ванную комнату ополоснуть лицо, взглянул в зеркало и обомлел. На лице не осталось и следа от фингала.

Вернулся в комнату и выдохнул с облегчением. Космический ноутбук по-прежнему стоял на столике. Значит, мне все это не привиделось.

Я выпил кофе, взял телефон. Разблокировал потухший экран, снова посмотрел на имя собеседника чате.

Оксана.

Я понял. Он не читал переписку. Он предложил мне сделать правильный выбор.

Я набрал нужные слова. У меня получилось спасти человечество. Возможно, у меня получится спасти себя.

Скрестил пальцы на удачу и нажал кнопку «отправить».